Фаина Георгиевна

РАНЕВСКАЯ

МЕНЬШЕ ПАФОСА, ГОСПОДА!

афоризмы • цитаты • высказывания

MAGISTERIUM

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Любимая актриса советского кино и театра Фаина Георгиевна Раневская знаменита не только актерскими работами, но и своим остроумием, самоиронией и юмором. В беседах Раневская не стеснялась в выражениях, а ее гениальные фразы сразу же разлетались по Москве.

- Фаина Георгиевна Раневская
  - ○
  - ○
  - ○ Афоризмы
  - ○ Раневскую как-то спросили…
  - ○ Так сказала Раневская
  - ○ Были и небылицы Раневской
- notes
  - ○ 1

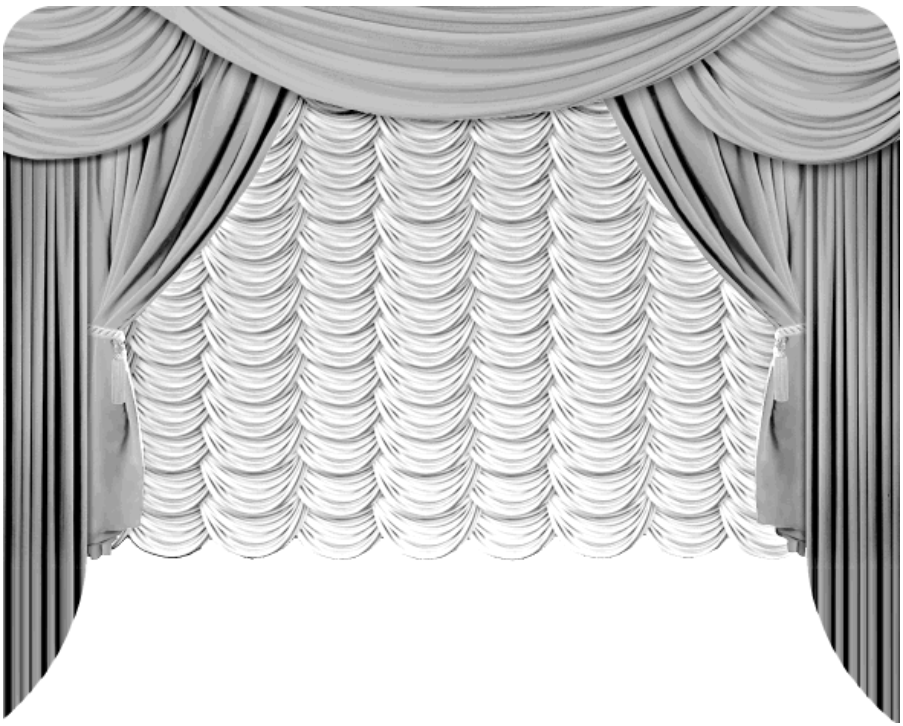
Фаина Георгиевна Раневская
Меньше пафоса господа!

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014
© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Афоризмы



Если вдруг вы стали для кого-то плохим, значит, много хорошего было сделано для этого человека.

Критикессы – амазонки в климаксе.

Лучше быть хорошим человеком, «ругающимся матом», чем тихой, воспитанной тварью.

Здоровье – это когда у вас каждый день болит в другом месте.

Если больной очень хочет жить, врачи бессильны.

Цинизм ненавижу за его общедоступность.

Жизнь – это затяжной прыжок из п…зды в могилу.

Склероз нельзя вылечить, но о нем можно забыть.

Старость – это когда беспокоят не плохие сны, а плохая действительность.

Мысли тянутся к началу жизни – значит, жизнь подходит к концу.

Стареть скучно, но это единственный способ жить долго.

Одиночество как состояние не поддается лечению.

Семья заменяет все. Поэтому, прежде чем ее завести, стоит подумать, что важнее: все или семья.

Спутник славы – одиночество.

Жизнь проходит и не кланяется, как сердитая соседка.

Орфографические ошибки в письме – как клоп на белой блузке.

Сказка – это когда женился на лягушке, а она оказалась царевной. А быль – это когда наоборот.

Почему все дуры такие женщины?

Старость – это время, когда свечи на именинном пироге обходятся дороже самого пирога, а половина мочи идет на анализы.

Страшно, когда тебе внутри восемнадцать, когда восхищаешься прекрасной музыкой, стихами, живописью, а тебе уже пора, ты ничего не успела, а только начинаешь жить!

Настоящий мужчина – это мужчина, который точно помнит день рождения женщины и никогда не знает, сколько ей лет. Мужчина, который никогда не помнит дня рождения женщины, но точно знает, сколько ей лет, – это ее муж.

Успех – единственный непростительный грех по отношению к своему близкому.

Ребенка с первого класса школы надо учить науке одиночества.

Сняться в плохом фильме – все равно что плюнуть в вечность.

Жить надо так, чтобы тебя помнили и сволочи.

Толстой сказал, что смерти нет, а есть любовь и память сердца. Память сердца так мучительна, лучше бы ее не было… Лучше бы память навсегда убить.

Паспорт человека – это его несчастье, ибо человеку всегда должно быть восемнадцать, а паспорт лишь напоминает, что ты можешь жить как восемнадцатилетняя.

Если человек тебе сделал зло, дай ему конфетку. Он тебе – зло, ты ему – конфетку. И так до тех пор, пока у этой твари не разовьется сахарный диабет.

Люди сами себе устраивают проблемы – никто не заставляет их выбирать скучные профессии, жениться не на тех людях или покупать неудобные туфли.

Женщина, чтобы преуспеть в жизни, должна обладать двумя качествами. Она должна быть достаточно умна для того, чтобы нравиться глупым мужчинам, и достаточно глупа, чтобы нравиться мужчинам умным.

Есть люди, в которых живет Бог. Есть люди, в которых живет дьявол. А есть люди, в которых живут только глисты.

Очень тяжело быть гением среди козявок.

Что за мир? Сколько идиотов вокруг, как весело от них!

Сейчас, когда человек стесняется сказать, что ему не хочется умирать, он говорит так: очень хочется выжить, чтобы посмотреть, что будет потом. Как будто, если бы не это, он немедленно был бы готов лечь в гроб.

Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на диеты, жадных мужчин и плохое настроение.

Все сбудется, стоит только расхотеть…

Союз глупого мужчины и глупой женщины порождает мать-

героиню. Союз глупой женщины и умного мужчины порождает мать-одиночку. Союз умной женщины и глупого мужчины порождает обычную семью. Союз умного мужчины и умной женщины порождает легкий флирт.

Одиночество – это когда в доме есть телефон, а звонит будильник.

Нас приучили к одноклеточным словам, куцым мыслям, играй после этого Островского!

Если женщина идет с опущенной головой – у нее есть любовник! Если женщина идет с гордо поднятой головой – у нее есть любовник! Если женщина держит голову прямо – у нее есть любовник! И вообще – если у женщины есть голова, то у нее есть любовник!

Бог создал женщин красивыми, чтобы их могли любить мужчины, и – глупыми, чтобы они могли любить мужчин.

И что только не делает с человеком природа!

Жизнь – это небольшая прогулка перед вечным сном.

Воспоминания – это богатства старости.

Талант – это неуверенность в себе и мучительное недовольство собой и своими недостатками, чего я никогда не встречала у посредственности.

Если у тебя есть человек, которому можно рассказать сны, ты не имеешь права считать себя одиноким…

Есть такие люди, к которым просто хочется подойти и поинтересоваться, сложно ли без мозгов жить.

Все приятное в этом мире либо вредно, либо аморально, либо ведет к ожирению.

Грустной жопой радостно не пукнешь.

На голодный желудок русский человек ничего делать и думать не хочет, а на сытый – не может.

Я не умею выражать сильных чувств, хотя могу сильно выражаться.

Люди как свечи – либо горят, либо в жопу их…

Женщины – это не слабый пол. Слабый пол – это гнилые доски…

Я знаю самое главное, я знаю, что надо отдавать, а не хватать.

Питаться в одиночку так же противоестественно, как срать вдвоем!

Первым поэтом был тот, кто сравнил женщину с цветком, а первым прозаиком – тот, кто сравнил ее с другой женщиной.

Животных, которых мало, занесли в Красную книгу, а которых много – в Книгу о вкусной и здоровой пище.

Самое ужасное в молодежи то, что мы сами уже не принадлежим к ней и не можем делать все эти глупости…

Главное – живой жизнью жить, а не по закоулкам памяти шарить.

Нет толстых женщин, есть тесная одежда.

Встречается такая любовь, что лучше ее сразу заменить расстрелом.

Многие жалуются на свою внешность, и никто – на мозги.

Нет болезни мучительнее тоски.

Хрен, положенный на мнение окружающих, обеспечивает спокойную и счастливую жизнь.

Если не сказать всего, значит, не сказать ничего.

Талант – как бородавка – либо он есть, либо его нет.

Женщины умирают позже мужчин, потому что вечно опаздывают.

Когда у попрыгуньи болят ноги, она прыгает сидя.

Писать о себе плохо – не хочется. Хорошо – неприлично. Значит, надо молчать.

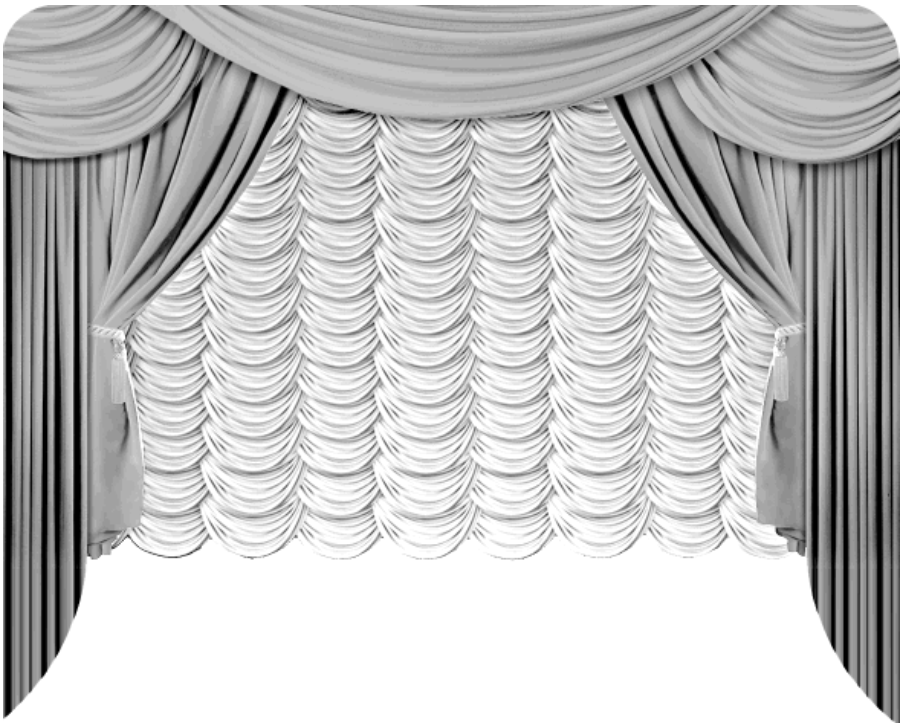
Если женщина говорит мужчине, что он самый умный, значит, она понимает, что второго такого дурака она не найдет.

Новый год – это грустное расставание со старыми иллюзиями

и радостная встреча с новыми…

Если есть выбор между приятным и полезным, в большинстве случаев выигрывает приятное.

Раневскую как-то спросили…



На вопрос: «Вы заболели, Фаина Георгиевна?» – она обычно отвечала: «Нет, я просто так выгляжу».

Чем я занимаюсь? Симулирую здоровье.

– Фаина Георгиевна, как ваши дела?

– Вы знаете, что такое дерьмо? Так оно по сравнению с моей жизнью – повидло.

– Как жизнь, Фаина Георгиевна?

– Я вам еще в прошлом году говорила, что дерьмо. Так тогда это был марципанчик.

Ответ на вопрос, кто умнее – мужчины или женщины:

– Женщины, конечно, умнее. Вы когда-нибудь слышали о женщине, которая бы потеряла голову только оттого, что у мужчины красивые ноги?

Сколько раз краснеет в жизни женщина, спросили Раневскую.

– Четыре раза: в первую брачную ночь, когда в первый раз изменяет мужу, когда в первый раз берет деньги, когда в первый раз дает деньги.

А мужчина?

– Два раза: первый раз – когда не может второй, второй – когда не может первый.

Как-то Раневской позвонили справиться о здоровье.

– Дорогой мой, – жалуется она, – такой кошмар! Голова болит, зубы ни к черту, сердце жмет, кашляю ужасно, печень, почки, желудок – все ноет! Суставы ломит, еле хожу. Слава богу, что я не мужчина, а то была бы еще и предстательная железа!

На литературно-театральном вечере Раневской задала вопрос девушка лет шестнадцати:

– Фаина Георгиевна, что такое любовь?

Раневская подумала и сказала:

– Забыла. – А через секунду добавила: – Но помню, что это что-то очень приятное.

Однажды Раневскую спросили:

– Почему красивые женщины пользуются бóльшим успехом, чем умные?

– Это же очевидно – ведь слепых мужчин совсем мало, а глупых пруд пруди.

– Вы не поверите, Фаина Георгиевна, но меня еще не целовал никто, кроме жениха.

– Это вы хвастаете, милочка, или жалуетесь?

Как-то Раневскую спросили, была ли она когда-нибудь влюблена.

– А как же, – ответила Раневская, – когда мне исполнилось девятнадцать лет, я поступила в провинциальную труппу и сразу же влюбилась в первого героя-любовника! Такой красавец был! А я была страшна как смертный грех. Я его глазами ела, но он не обращал на меня внимания. Но однажды вдруг подошел и сказал шикарным своим баритоном: «Деточка, вы ведь возле театра комнату снимаете? Так ждите сегодня вечером: буду у вас в семь часов».

Я побежала к антрепренеру, денег в счет жалованья взяла, вина купила, еды всякой, оделась, накрасилась – сижу жду. В семь нету, в восемь нету, в девятом часу приходит… Пьяный и с бабой!

«Деточка, – говорит, – погуляйте где-нибудь пару часиков, дорогая моя!»

С тех пор не то что влюбляться – смотреть на мужиков не могу: гады и мерзавцы!

– Вы слышали, как не повезло писателю N.? – спросили у

Раневской.

– Нет, а что с ним случилось?

– Он упал и сломал правую ногу.

– Действительно, не повезло. Чем же он теперь будет писать? – посочувствовала Фаина Георгиевна.

У Раневской спросили, не знает ли она причины развода знакомой пары. Фаина Георгиевна ответила:

– У них были разные вкусы: она любила мужчин, а он – женщин.

– Фаина Георгиевна, какого вы мнения о режиссере Л.?

– Это уцененный Мейерхольд.

После премьеры спектакля «Дальше – тишина» Раневскую спросили, как складывались ее взаимоотношения с режиссером спектакля.

– Мы изображали любовь слонихи и воробья.

– Фаина Георгиевна, почему вы так часто переходили из театра в театр?

– Вы знаете, я пережила со многими театрами, но ни с одним из них не получила удовольствия.

– Говорят, что этот спектакль не имеет успеха у зрителей?

– Ну, это еще мягко сказано. Я вчера позвонила в кассу и

спросила, когда начало представления.

– И что?

– Мне ответили: «А когда вам будет удобно?»

Журналист спрашивает у Раневской:

– Как вы считаете, в чем разница между умным человеком и дураком?

– Дело в том, молодой человек, что умный знает, в чем эта разница, но никогда об этом не спрашивает.

– Какие, по вашему мнению, женщины склонны к большей верности – брюнетки или блондинки?

Не задумываясь, Раневская ответила:

– Седые!

Поклонница просит домашний телефон Раневской.

– Дорогая, откуда я его знаю? Я же сама себе никогда не звоню.

У Раневской спросили: что для нее самое трудное?

– О, самое трудное я делаю до завтрака, – сообщила она.

– И что же это?

– Встаю с постели.

Расставляя точки над i, собеседница спрашивает у Раневской:

– То есть вы хотите сказать, Фаина Георгиевна, что Н. и Р.

живут как муж и жена?

– Нет. Гораздо лучше, – ответила та.

– Почему, Фаина Георгиевна, вы не ставите и свою подпись под этой пьесой? Вы же ее почти заново переписали.

– А меня это устраивает. Я играю роль яиц: участвую, но не вхожу.

– Кем была ваша мать до замужества?

– У меня не было матери до ее замужества, – пресекла Фаина Георгиевна дальнейшие вопросы.

Как-то Раневскую спросили, почему у Марецкой все звания и награды, а у нее намного меньше? На что Раневская ответила:

– Дорогие мои! Чтобы получить все это, мне нужно сыграть как минимум Чапаева!

Раневскую о чем-то попросили и добавили:

– Вы ведь добрый человек, вы не откажете.

– Во мне два человека, – ответила Фаина Георгиевна. – Добрый не может отказать, а второй может. Сегодня как раз дежурит второй.

– Посмотрите, Фаина Георгиевна! В вашем пиве плавает муха!

– Всего одна, милочка. Ну сколько она может выпить?!

– Сударыня, не могли бы вы разменять мне сто рублей?

– Увы! Но благодарю за комплимент!

– Фаина Георгиевна, на что похожа женщина, если ее поставить вверх ногами?

– На копилку.

– А мужчина?

– На вешалку.

– Фаина, – спрашивала ее старая подруга, – как ты считаешь, медицина делает успехи?

– А как же. В молодости у врача мне каждый раз приходилось раздеваться, а теперь достаточно язык показать.

– Ну-с, Фаина Георгиевна, и чем же вам не понравился финал моей последней пьесы?

– Он находится слишком далеко от начала.

– Фаина Георгиевна, вы опять захворали? А какая у вас температура?

– Нормальная, комнатная, плюс восемнадцать градусов.

– Что это у вас, Фаина Георгиевна, глаза воспалены?

– Вчера отправилась на премьеру, а передо мной уселась необычно крупная женщина. Пришлось весь спектакль смотреть через дырочку от сережки в ее ухе.

– А вы куда хотели бы попасть, Фаина Георгиевна, – в рай или ад? – спросили у Раневской.

– Конечно, рай предпочтительнее из-за климата, но веселее мне было бы в аду – из-за компании.

– Что такое облысение?

– Это медленное, но прогрессивное превращение головы в жопу. Сначала по форме, а потом и по содержанию.

– Чем может утешиться человек, с которым случилось несчастье?

– Умный человек утешится, когда осознает неминуемость того, что случилось. Дурак же утешается тем, что и с другими случится то же.

Однажды театральный критик Наталья Крымова спросила уже старую Раневскую, зачем она столько кочевала по театрам?

– Искала святое искусство, – ответила та.

– Нашли?

– Да.

– Где?

– В Третьяковской галерее.

– Чем умный отличается от мудрого? – спросили у Раневской.

– Умный знает, как выпутаться из трудного положения, а мудрый никогда в него не попадает.

– Почему вы не сделаете пластическую операцию?

– А толку? Фасад обновишь, а канализация все равно старая?!

Врачи удивлялись ее легким:

– Чем же вы дышите?

– Пушкиным, – отвечала она.

В 60-х годах в Москве установили памятник Карлу Марксу.

– Фаина Георгиевна, вы видели памятник Марксу? – спросил кто-то у Раневской.

– Вы имеете в виду этот холодильник с бородой, что поставили напротив Большого театра? – уточнила Раневская.

В Театре им. Моссовета с огромным успехом шел спектакль «Дальше – тишина». Главную роль играла уже пожилая Раневская. Как-то после спектакля к ней подошел зритель и спросил:

– Простите за нескромный вопрос, а сколько вам лет?

– В субботу будет 115, – тут же ответила актриса.

Поклонник обмер от восторга и сказал:

– В такие годы и так играть!

Во время гастрольной поездки в Одессу Раневская пользовалась огромной популярностью и любовью зрителей. Местные газеты выразились таким образом:

«Одесса делает Раневской апофеоз!» Однажды актриса прогуливалась по городу, а за ней долго следовала толстая гражданка, то обгоняя, то заходя сбоку, то отставая, пока наконец не решилась заговорить.

– Я не понимаю, не могу понять, вы – это она?

– Да, да, да, – басом ответила Раневская. – Я – это она!

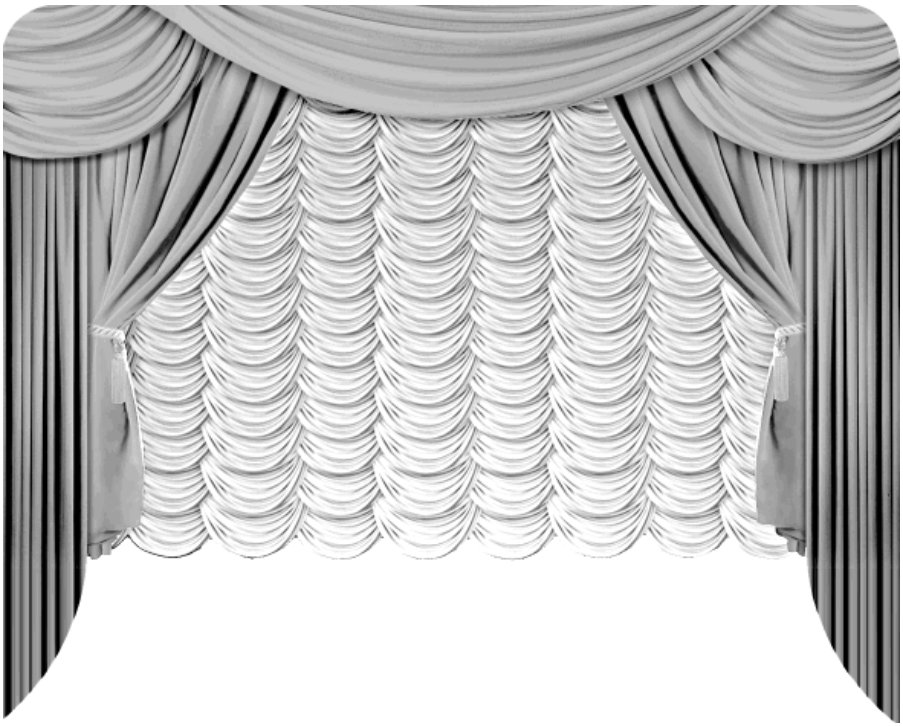
– Как Красная Шапочка узнала, что это волк, а не бабушка?

– Ноги пересчитала!

– Фаина Георгиевна, как вы считаете, сидеть в сортире – это умственная работа или физическая?

– Конечно, умственная. Если бы это была физическая работа, я бы наняла человека…

Так сказала Раневская



Глядя на прореху в своей юбке:
– Напора красоты не может сдержать ничто!

С такой жопой надо сидеть дома!

Старость – это просто свинство. Я считаю, что это невежество бога, когда он позволяет доживать до старости.

Я себя чувствую, но плохо.

Я как старая пальма на вокзале – никому не нужна, а выбросить жалко.

Бог мой, как прошмыгнула жизнь, я даже никогда не слышала, как поют соловьи.

Когда я умру, похороните меня и на памятнике напишите: «Умерла от отвращения».

О своих работах в кино:
Деньги съедены, а позор остался.

Я – выкидыш Станиславского.

Когда мне не дают роли, чувствую себя пианисткой, которой отрубили руки.

Как ошибочно мнение о том, что нет незаменимых актеров.

Я, в силу отпущенного мне дарования, пропищала как комар.

Я провинциальная актриса. Где я только не служила! Только в городе Вездесранске не служила!..

Я социальная психопатка. Комсомолка с веслом. Вы меня можете пощупать в метро. Это я там стою, полусклонясь, в купальной шапочке и медных трусиках, в которые все октябрята стремятся залезть. Я работаю в метро скульптурой. Меня отполировало такое количество лап, что даже великая проститутка Нана могла бы мне позавидовать.

Четвертый раз смотрю этот фильм и должна вам сказать, что сегодня актеры играли как никогда!

О режиссере Ю. Завадском:
Перпетуум кобеле.

О режиссере Ю. Завадском:
Он умрет от расширения фантазии. Пи-пи в трамвае – все, что

он сделал в искусстве.

– Лесбиянство, гомосексуализм, мазохизм, садизм – это не извращения, – строго объясняет Раневская. – Извращений, собственно, только два: хоккей на траве и балет на льду.

Получаю письма: «Помогите стать актером». Отвечаю: «Бог поможет!»

Всю свою жизнь я проплавала в унитазе стилем баттерфляй.

У меня хватило ума глупо прожить жизнь.

– Жемчуг, который я буду носить в первом акте, должен быть настоящим, – требует капризная молодая актриса.

– Все будет настоящим, – успокаивает ее Раневская. – Все: и жемчуг в первом действии, и яд – в последнем.

Я не признаю слова «играть». Играть можно в карты, на скачках, в шашки. На сцене жить нужно.

Кто бы знал мое одиночество? Будь он проклят, этот самый талант, сделавший меня несчастной. Но ведь зрители действительно любят? В чем же дело? Почему ж так тяжело в театре? В кино тоже гангстеры.

В Москве можно выйти на улицу одетой как бог даст, и никто не обратит внимания. В Одессе мои ситцевые платья вызывают повальное недоумение – это обсуждают в парикмахерских, зубных амбулаториях, трамвае, частных домах. Всех огорчает моя чудовищная «скупость» – ибо в бедность никто не верит.

Проклятый девятнадцатый век, проклятое воспитание: не могу стоять, когда мужчины сидят.

Я говорила долго и неубедительно, как будто говорила о дружбе народов.

Пусть это будет маленькая сплетня, которая должна исчезнуть между нами.

Мне попадаются не лица, а личное оскорбление.

Если бы я, уступая просьбам, стала писать о себе, это была бы жалобная книга.

Что-то давно мне не говорят, что я бл…дь. Теряю популярность.

Я ведь еще помню порядочных людей… Боже, какая я старая!

– Сегодня я убила пять мух: двух самцов и трех самок.

– Как вы это определили?

– Две сидели на пивной бутылке, а три на зеркале, – объяснила Фаина Георгиевна.

Мне всегда было непонятно – люди стыдятся бедности и не стыдятся богатства.

О Ленине:

Знаете, когда я увидела этого лысого на броневике, то поняла: нас ждут большие неприятности.

О коллегах артистах:

– У этой актрисы жопа висит и болтается, как сумка у гусара.

– У него голос – будто в цинковое ведро ссыт.

Это не комната. Это сущий колодец. Я чувствую себя ведром, которое туда опустили.

Раневская как-то сказала одной даме, что та по-прежнему молода и прекрасно выглядит.

– Я не могу ответить вам таким же комплиментом, – дерзко ответила та.

– А вы бы, как и я, соврали! – посоветовала Фаина Георгиевна.

Объясняя кому-то, почему презерватив белого цвета, Раневская говорила:

– Потому что белый цвет полнит.

– Я не пью, я больше не курю, и я никогда не изменяла мужу потому еще, что у меня его никогда не было, – заявила Раневская, упреждая возможные вопросы журналиста.

– Так что же, – не отстает журналист, – значит, у вас совсем нет никаких недостатков?

– В общем нет, – скромно, но с достоинством ответила Раневская. И после небольшой паузы добавила: – Правда, у меня большая жопа и я иногда немножко привираю!

Кино – заведение босяцкое.

– Удивительно, – говорила Раневская. – Когда мне было двадцать лет, я думала только о любви. Теперь же я люблю только думать.

С упоением била бы морды всем халтурщикам, а терплю. Терплю невежество, терплю вранье, терплю убогое существование полунищенки, терплю и буду терпеть до конца дней.

– У меня будет счастливый день, когда вы станете импотентом, – заявила Раневская настырному ухажеру.

Мне незаслуженно приписывают заимствования из таких авторов, как Марк Твен, Бернард Шоу, Тристан Бернар и даже Эзоп и Аристотель. Мне это, конечно, лестно, и я их благодарю, особенно Аристотеля и Эзопа.

В доме отдыха на прогулке приятельница заявляет:

– Я так обожаю природу.

Раневская останавливается, внимательно осматривает ее и говорит:

– И это после того, что она с тобой сделала?

Птицы ругаются, как актрисы из-за ролей. Я видела, как воробушек явно говорил колкости другому, крохотному и немощному, и в результате ткнул его клювом в голову. Все как у людей.

– А что, артист Н. умер?
– Умер.
– То-то я смотрю, его хоронят…

Жизнь отнимает у меня столько времени, что писать о ней совсем некогда.

Страшно грустна моя жизнь. А вы хотите, чтобы я воткнула в жопу куст сирени и делала перед вами стриптиз.

Ваши жалобы на истеричку-погоду понимаю, – сама являюсь жертвой климакса нашей планеты. Здесь в мае падал снег, потом была жара, потом наступили холода, затем все это происходило в течение дня.

Обсуждая только что умершую подругу-актрису:

– Хотелось бы мне иметь ее ноги – у нее были прелестные ноги! Жалко – теперь пропадут.

– Шкаф Любови Орловой так забит нарядами, – говорила Раневская, – что моль, живущая в нем, никак не может научиться летать.

Всю жизнь я страшно боюсь глупых. Особенно баб. Никогда не знаешь, как с ними разговаривать, не скатываясь на их уровень.

Раневская ходит очень грустная, чем-то расстроена.

– У меня украли жемчужное ожерелье!

– Как оно выглядело?

– Как настоящее…

Думайте и говорите обо мне что пожелаете. Где вы видели кошку, которую бы интересовало, что о ней говорят мыши?

Для меня всегда было загадкой – как великие актеры могли играть с артистами, от которых нечем заразиться, даже насморком. Как бы растолковать, бездари: никто к вам не придет, потому что от вас нечего взять. Понятна моя мысль неглубокая?

Администратору, заставшему ее в гримерке абсолютно голой:
– Вас не шокирует, что я курю?

В моей старой голове две, от силы три мысли, но они временами поднимают такую возню, что кажется, их тысячи.

Под самым красивым хвостом павлина скрывается самая обычная куриная жопа. Так что меньше пафоса, господа.

– Или я старею и глупею, или нынешняя молодежь ни на что не похожа! – сетовала Раневская. – Раньше я просто не знала, как отвечать на их вопросы, а теперь даже не понимаю, о чем они спрашивают.

Раневская об Ахматовой:
Какая страшная жизнь ждет эту великую женщину после смерти – воспоминания друзей.

У них у всех друзья такие же, как они сами, – дружат на почве покупок, почти живут в комиссионных лавках, ходят друг к другу в гости. Как завидую им, безмозглым!

Тошно от театра. Дачный сортир. Обидно кончать свою жизнь в сортире.

Я родилась недовыявленной и ухожу из жизни недопоказанной. Я недо.

Ох уж эти несносные журналисты! Половина лжи, которую они распространяют обо мне, не соответствует действительности.

Посмотрела в паспорт, увидела, в каком году я родилась, и только ахнула.

В театр вхожу как в мусоропровод: фальшь, жестокость, лицемерие. Ни одного честного слова, ни одного честного глаза! Карьеризм, подлость, алчные старухи!

Чтобы мы видели, сколько мы переедаем, наш живот расположен на той же стороне, что и глаза.

У нее не лицо, а копыто.

Ничего, кроме отчаяния от невозможности что-либо изменить в моей судьбе.

Когда нужно пойти на собрание труппы, такое чувство, что сейчас предстоит дегустация меда с касторкой.

– Когда я выйду на пенсию, то абсолютно ничего не буду делать. Первые месяцы просто буду сидеть в кресле-качалке.

– А потом?

– А потом начну раскачиваться.

Живу только собой – какое самоограничение.

У меня хватило ума прожить жизнь глупо.

Я не могу есть мясо. Оно ходило, любило, смотрело.

Раневская о проходящей даме:

– Такая задница называется «жопа-игрунья».

Красивые люди тоже срут.

Не лажу с бытом! Деньги мешают мне и когда их нет, и когда они есть.

В театре меня любили талантливые, бездарные ненавидели, шавки кусали и рвали на части.

Когда на свадьбе на плечо жениху нагадил голубь, Раневская сказала:

– Вот, молодожены, голубь – символ того, что свобода ваша улетела и на прощание нагадила.

Моя любимая болезнь – чесотка: почесался и еще хочется. А самая ненавистная – геморрой: ни себе посмотреть, ни людям показать.

Я была вчера в театре. Актеры играли так плохо, особенно Дездемона, что когда Отелло душил ее, то публика очень долго

аплодировала.

Бирман[1] – и та умерла, а уж от нее я этого никак не ожидала.

Если человек умный и честный – то беспартийный. Если умный и партийный – то нечестный. Если честный и партийный – то дурак.

Поклонников миллион, а в аптеку сходить некому.

Милочка, если хотите похудеть – ешьте голой и перед зеркалом.

Мужики от начала дней до их конца за сиськой тянутся.

14 апреля 1976 года. Множество людей столпилось в гримуборной Раневской, которую в связи с 80-летием наградили орденом Ленина.

– У меня такое чувство, что я голая моюсь в ванной и пришла экскурсия, – сказала Раневская.

– Этот доктор творит чудеса! Он буквально за минуту вылечил все мои болезни, – саркастически заметила Фаина Георгиевна после посещения врача.

– Каким образом?

– Он сказал, что все мои болезни – не болезни, а симптомы приближающейся старости.

В театре:

– Извините, Фаина Георгиевна, но вы сели на мой веер!

– Что? То-то мне показалось, что снизу дует.

– Дорогая, сегодня я спала с незапертой дверью.

– А если бы кто-то вошел?! – всполошилась приятельница Раневской, дама пенсионного возраста.

– Ну сколько можно обольщаться, – пресекла Фаина Георгиевна.

В санатории Раневская сидела за столом с каким-то занудой, который все время хаял еду. И суп холодный, и котлеты несоленые, и компот несладкий. За завтраком он брезгливо говорил:

– Ну что это за яйца? Смех один. Вот в детстве у моей мамочки, помню, были яйца!

– А вы не путаете ее с папочкой? – осведомилась Раневская.

Раневская изобрела новое средство от бессонницы: надо

считать до трех. Максимум – до полчетвертого.

В купе вагона назойливая попутчица пытается разговорить Раневскую:

– Позвольте же вам представиться.

Я – Смирнова.

– А я – нет.

Как-то Раневская, сняв телефонную трубку, услышала сильно надоевший ей голос кого-то из поклонников и заявила:

– Извините, не могу продолжать разговор. Я говорю из автомата, а здесь большая очередь.

Вторая половинка есть у мозга, жопы и таблетки. А я изначально целая.

Меня забавляет волнение людей по пустякам, сама была такой же дурой. Теперь, перед финишем, понимаю ясно, что все пустое. Нужны только доброта и сострадание.

В старости главное – чувство достоинства, а его меня лишили.

Сколько лет мне кричали на улице мальчишки: «Муля, не нервируй меня!» Хорошо одетые надушенные дамы протягивали ручку лодочкой и аккуратно сложенными губками, вместо того чтобы представиться, шептали: «Муля, не нервируй меня!» Государственные деятели шли навстречу и, проявляя любовь и уважение к искусству, говорили доброжелательно: «Муля, не нервируй меня!» Я не Муля. Я старая актриса и никого не хочу нервировать. Мне трудно видеть людей.

Если бы я часто смотрела в глаза Джоконде, я бы сошла с ума: она обо мне знает все, а я о ней ничего.

Никто, кроме мертвых вождей, не хочет терпеть праздноболтающихся моих грудей.

Первый сезон в Крыму, я играю в пьесе Сумбатова Прелестницу, соблазняющую юного красавца. Действие происходит в горах Кавказа. Я стою на горе и говорю противно-нежным голосом: «Шаги мои легче пуха, я умею скользить, как змея…» После этих слов мне удалось свалить декорацию, изображавшую гору, и больно ушибить партнера. В публике смех, партнер, стеная, угрожает оторвать мне голову.

Раневская забыла фамилию актрисы, с которой должна была играть на сцене:

– Ну эта, как ее… Такая плечистая в заду…

Приятельница сообщает Раневской:

– Я вчера была в гостях у N. И пела для них два часа…

Фаина Георгиевна прерывает ее возгласом:

– Так им и надо! Я их тоже терпеть не могу!

Не могу жить без печатного слова. Впрочем, без непечатного тоже.

Соседка, вдова моссоветовского начальника, меняла румынскую мебель на югославскую, югославскую на финскую, нервничала. Руководила грузчиками… И умерла в 50 лет на мебельном гарнитуре. Девчонка!

Я уже давно ничего не читаю. Я перечитываю, и все Пушкина, Пушкина, Пушкина. Мне даже приснилось, что он входит и говорит: «Как ты мне, старая дура, надоела!»

Мальчик сказал:

– Я сержусь на Пушкина, няня ему рассказала сказки, а он их записал и выдал за свои.

– Прелесть, – передавала услышанное Раневская. После глубокого вздоха она продолжила: – Но боюсь, что мальчик все же полный идиот.

Известная актриса в истерике кричала на собрании труппы:

– Я знаю, вы только и ждете моей смерти, чтобы прийти и плюнуть на мою могилу!

Раневская заметила:

– Терпеть не могу стоять в очереди!

Ах, какой умный вид у этого болвана!

В больнице, увидев, что Раневская читает Цицерона, врач заметил:

– Не часто встретишь женщину, читающую Цицерона.

– Да и мужчину, читающего Цицерона, встретишь не часто, – парировала Фаина Георгиевна.

Раневская обедала как-то у одной дамы, столь экономной, что Фаина Георгиевна встала из-за стола совершенно голодной. Хозяйка любезно сказала ей:

– Прошу вас еще как-нибудь прийти ко мне отобедать.

– С удовольствием, – ответила Раневская, – хоть сейчас!

Я никогда не была красива, но я всегда была чертовски мила! Я помню, один гимназист хотел застрелиться от любви ко мне. У него не хватило денег на пистолет, и он купил сетку для перепелов.

В подвенечном платье каждая женщина напоминает Деву Марию. На лице появляется выражение крайней невинности.

– Старая харя не стала моей трагедией. В 22 года я уже гримировалась старухой и привыкла, и полюбила старух моих в ролях. А недавно написала моей сверстнице: «Старухи, я любила вас, будьте бдительны!»

Ой, какая худая девочка! Совсем нет мяса, одни кости. Как же я буду воспитывать ее? Я отобью себе руку!

Скажи, маленькая, что ты хочешь: чтобы тебе оторвали голову или ехать на дачу?

Книппер-Чехова, дивная старуха, однажды сказала мне: «Я начала душиться только в старости».

Старухи бывают ехидны, а к концу жизни бывают и стервы, и сплетницы, и негодяйки… Старухи, по моим наблюдениям, часто не обладают искусством быть старыми. А к старости надо добреть с утра до вечера!

– Моя собака живет лучше меня! – пошутила однажды Раневская. – Я наняла для нее домработницу. Так вот и получается, что она живет как Сара Бернар, а я – как сенбернар…

Медсестра, лечившая Раневскую, рассказала, как однажды Фаина Георгиевна принесла на анализ мочу в термосе. Сестра удивилась, почему именно в термосе, надо было в баночке. На что великая актриса возмущенно пробасила:

– Ох, ни хрена себе! А кто вчера сказал: неси прямо с утра, теплую?!

Рецепт молодости от Фаины Раневской:

– Импортный полироль не хуже нашего крэ-эма, честное слово. С вас сползет старая кожа, и вы будете ходить как новорожденная.

Раневская как-то сказала с грустью:

– Ну надо же! Я дожила до такого ужасного времени, когда исчезли домработницы. И знаете почему? Все домработницы ушли в актрисы.

Как-то на южном море Раневская указала рукой на летящую чайку и сказала:

– МХАТ полетел.

– Шатров – это Крупская сегодня, – так определила Раневская творчество известного драматурга, автора многочисленных пьес о Ленине.

Когда я начинаю писать мемуары, дальше фразы «Я родилась в семье бедного нефтепромышленника…» у меня ничего не получается.

Дамы, не худейте… Оно вам надо?.. Уж лучше к старости быть румяной пышкой, чем засушенной мартышкой…

Запомните: за все, что вы совершаете недоброе, придется расплачиваться той же монетой… Не знаю, кто уж следит за этим, но следит, и очень внимательно.

Когда пионеры-тимуровцы пришли к Раневской домой, помогать как престарелой, она их выпроводила со словами:

– Пионэры, возьмитесь за руки и идите в жопу!

Разговор Раневской с Львом Лосевым:

– Моя дура домработница купила сегодня курицу и сварила с потрохами. Пришлось выбросить на помойку. Испортилось

настроение на целый день.

– Фаина Георгиевна, наплюйте вы на эту курицу. Стоит ли из-за этого так расстраиваться!

– Дело не в деньгах. Мне жалко эту курицу. Ведь для чего-то она родилась!

Не можете никак понять: нравится ли вам молодой человек или нет? Проведите с ним вечер. Придя домой, разденьтесь и подбросьте трусы к потолку… Прилипли?.. Значит, нравится…

Если бы я вела дневник, я бы каждый день записывала одну фразу: «Какая смертная тоска»…

Известно, что Раневская позволяла себе крепкие выражения, и, когда ей сделали замечание, что в литературном русском языке нет слова «жопа», она ответила:

– Странно, слова нет, а жопа есть…

Если ты ждешь, что кто-то примет тебя таким, как ты есть, то ты просто ленивое мудло. Потому что, как правило, такой, как есть, – зрелище печальное. Меняйся, скотина. Работай над собой. Или сдохни в одиночестве.

В моем тучном теле сидит очень даже стройная женщина, но ей никак не удается выбраться наружу. А учитывая мой аппетит, для нее, похоже, это пожизненное заключение…

Я обязана друзьям, которые оказывают мне честь своим посещением, и глубоко благодарна друзьям, которые лишают меня этой чести.

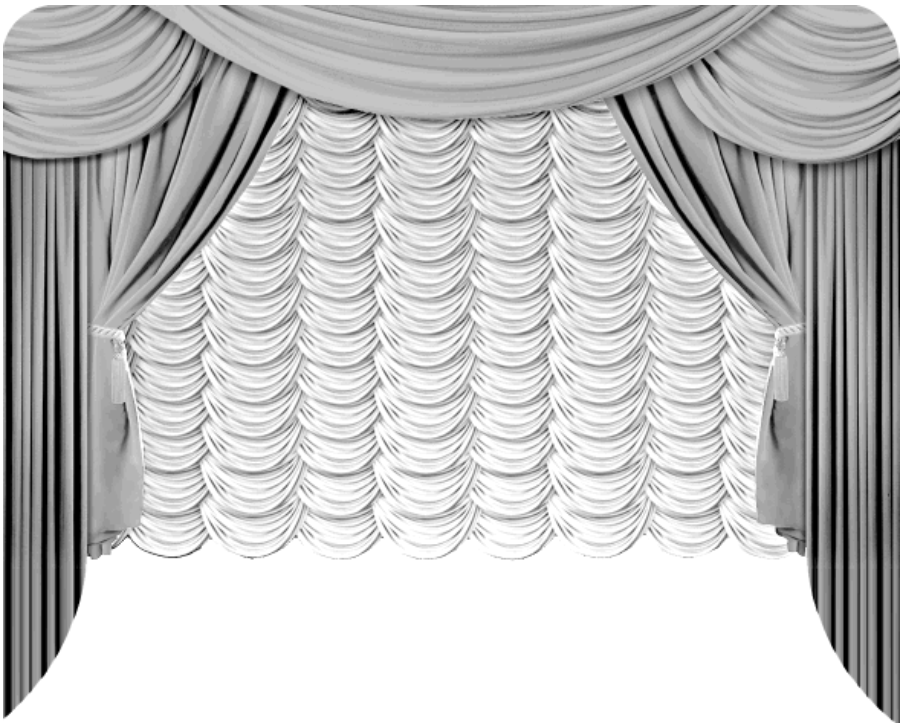
Люблю детей, особенно плачущих: их обычно уводят немедленно.

Однажды, посмотрев на Галину Сергееву, исполнительницу роли Пышки, и оценив ее глубокое декольте, Раневская своим дивным басом сказала, к восторгу Михаила Ромма, режиссера фильма: «Эх, не имей сто рублей, а имей двух грудей».

Народ у нас самый даровитый, добрый и совестливый. Но практически как-то складывается так, что постоянно, процентов на восемьдесят, нас окружают идиоты, мошенники и жуткие дамы без собачек.

Я не верю в духов, но боюсь их.

Были и небылицы Раневской



Когда в Москву привезли «Сикстинскую мадонну», все ходили на нее смотреть. Фаина Георгиевна услышала разговор двух чиновников из Министерства культуры. Один утверждал, что картина не произвела на него впечатления. Раневская заметила:

– Эта дама в течение стольких веков на таких людей производила впечатление, что теперь она сама вправе выбирать, на кого ей производить впечатление, а на кого нет!

Сотрудница радиокомитета постоянно переживала драмы из-за своих любовных отношений с сослуживцем, которого звали Симой: то она рыдала из-за очередной ссоры, то он ее бросал, то она делала от него аборт. Раневская называла ее «жертва ХераСимы».

Раневская с огромным багажом приезжает на вокзал.

– Жалко, что мы не захватили пианино, – говорит Фаина Георгиевна.

– Неостроумно, – замечает кто-то из сопровождавших.

– Действительно неостроумно, – вздыхает Раневская. – Дело в том, что на пианино я оставила все билеты.

Однажды Юрий Завадский, режиссер Театра им. Моссовета, с которым у Раневской были далеко не безоблачные отношения, крикнул актрисе в запале:

– Фаина Георгиевна, вы своей игрой сожрали весь мой режиссерский замысел!

– То-то у меня ощущение, что я наелась дерьма! – парировала Раневская.

– Вон из театра! – крикнул Завадский.

Раневская, подойдя к авансцене, ответила ему:

– Вон из искусства!

Раневская, приглашая в гости, предупреждала:

– Звонок не работает. Как придете, стучите ногами.

– Почему же ногами?

– Но вы же не с пустыми руками собираетесь приходить?

Новохижин часто репетировал у Раневской дома – с чаем, пирогами и тараканами. Тараканов у Раневской было множество, она их не уничтожала, а, наоборот, прикармливала и называла «мои прусачки».

Новохижин терпел, терпел, но, когда таракан пополз прямо в тарелку с пирогом, он его прихлопнул.

Фаина Георгиевна поднялась и нависла над столом:

– Михал Михалыч, я боюсь, что на этом кончится наша дружба!

Артисты театра рассказывают Раневской, что послали поздравительную телеграмму А. Солженицыну. Раневская восхищена:

– Какие вы смелые! А я испугалась и послала письмо.

Раневскую, идущую по улице, толкнул какой-то человек и еще грязно обругал. Фаина Георгиевна сказала ему:

– В силу ряда причин я не могу сейчас ответить вам словами, какие употребляете вы. Но я искренне надеюсь, что, когда вы вернетесь домой, ваша мать выскочит из подворотни и как следует вас искусает.

Актер Малого театра Михаил Михайлович Новохижин некоторое время был ректором Театрального училища им. Щепкина. Однажды звонит ему Раневская:

– Мишенька, милый мой, огромную просьбу к вам имею: к вам поступает мальчик, фамилия Малахов, обратите внимание, умоляю – очень талантливый, очень, очень! Личная просьба моя: не проглядите, дорогой мой, безумно талантливый мальчик!

Рекомендация Раневской дорого стоила. Новохижин обещал лично проследить. После прослушивания «гениального мальчика» Новохижин позвонил Раневской.

– Фаина Георгиевна, дорогая, видите ли… Не знаю даже, как и сказать… – И тут же услышал крик Раневской:

– Что? Говно мальчишка? Гоните его в шею, Мишенька, гоните немедленно! Боже мой, что я могу поделать: меня все просят, никому не могу отказать!

Раневская часто покупала в буфете конфеты или пирожные. У нее был диабет, а сладости она покупала, чтобы угостить кого-нибудь из друзей-актеров. Однажды в буфете она обратилась к актрисе Варваре Сошальской:

– Вавочка, позвольте подарить вам этот огурец!

– Фуфочка (так звали Раневскую близкие. – *Ред.*), с восторгом приму! Только вы уж, пожалуйста, скажите к подарку что-нибудь со значением!

– Вавочка, дорогая, я, старая хулиганка, дарю вам огурец. Он большой и красивый. Хотите – ешьте, хотите – живите с ним!

На собрании труппы обсуждают актера, который обвиняется в гомосексуализме:

– Это растление молодежи, это преступление.

Раневская заметила:

– Каждый волен распоряжаться своей жопой, как ему хочется. Поэтому я свою поднимаю и уе…ваю.

Раневская приглашает в гости подругу:

– Приходите, я вам покажу целый альбом портретов неизвестных народных артистов СССР.

Раневская и актриса Вера Марецкая идут по Тверской. Раневская говорит:

– Тот слепой, которому ты подала монету, не притворяется, он действительно не видит.

– Почему ты так решила?

– Он же сказал тебе: «Спасибо, красотка!»

Раневская получила новую квартиру. Друзья помогли обустроиться: расставили мебель, развесили вещи по шкафам, разложили по ящикам и собрались уходить.

Вдруг Раневская всполошилась:

– Боже мой, где мои похоронные принадлежности! Куда вы положили мои похоронные принадлежности! Не уходите же, я потом сама ни за что не найду. Я же старая, они могут понадобиться в любую минуту!

Она была так расстроена, что все кинулись искать эти «похоронные принадлежности»: выдвигали ящики, заглядывали в шкафы, толком не понимая, что, собственно, следует искать.

Вдруг Раневская радостно крикнула:

– Слава богу, нашла! – и торжественно продемонстрировала всем «похоронные принадлежности» – коробочку со своими орденами и медалями.

На радио шла запись передачи с участием Раневской. Фаина Георгиевна произнесла фразу со словом «феноме́н». Запись остановили.

– В чем дело? – спросила Раневская.

Ведущая передачи, стараясь исправить неловкость, сказала:

– Знаете, Фаина Георгиевна, тут говорят, что надо произносить не феноме́н, а фено́мен, так сейчас ставят ударение…

– Да, деточка, поняла, продолжим. Раневская четко и уверенно произнесла в микрофон:

– Феноме́н, феноме́н, и еще раз феноме́н! А кому нужен фено́мен, пусть идет в жопу!

Узнав, что ее знакомые собираются на спектакль, в котором она играет, Раневская пытается их отговорить:

– Не стоит ходить: и пьеса скучная, и постановка слабая. Но раз все равно идете, я вам советую уходить после второго акта.

– Почему после второго?

– После первого уж очень большая давка в гардеробе.

Как-то раз в КГБ попытались завербовать Фаину Раневскую. На встречу с актрисой послали молодого опера по фамилии Коршунов.

Недалекий Коршунов поведал Раневской о классовой борьбе, о происках мирового империализма. И сделал вывод о долге каждого советского гражданина оказывать посильную помощь органам государственной безопасности.

Выслушав, Раневская спросила:

– Молодой человек, а где вы были раньше, когда я еще не успела разменять седьмой десяток?

– Что вы, Фаина Георгиевна! – вскрикнул Коршунов. – Вам больше тридцати никто не дает. Вы просто девочка по сравнению с другими артистками вашего театра!

Раневская хитро прищурилась:

– Я давно ждала момента, когда органы оценят меня по достоинству! И я всегда готова разоблачать происки ненавистного мне империализма. Но есть одно маленькое но. Во-первых, я живу в коммунальной квартире, а во-вторых, я громко разговариваю во сне. Представьте, вы даете мне секретное задание, и вдруг во сне я начинаю называть фамилии, имена и клички объектов, явки, пароли, время встреч и прочее… А за стеной соседи, которые следят за мной на протяжении многих лет. Я, вместо того чтобы оказать помощь, могу предать органы госбезопасности.

Коршунов доложил о встрече с Раневской:

– Она согласна работать на нас, но громко разговаривает во сне. Да и как-то несолидно получается. Негоже все-таки народной артистке жить в коммунальной квартире…

Через месяц Раневская праздновала новоселье в высотке на Котельнической набережной.

Когда Коршунов захотел продолжить вербовку, всякий раз оказывалось, что Раневская занята.

Спустя некоторое время в приемную КГБ пришел испитой мужичок с коллективным заявлением жильцов высотки на Котельнической набережной, в котором говорилось о том, что их новая соседка по ночам громко разговаривает сама с собой о происках империалистических разведок и о том, что ее скоро примут в органы госбезопасности внештатным сотрудником.

Позже Коршунов выяснил, что это заявление стоило актрисе две бутылки водки сантехнику из ЖЭКа. Но было поздно, квартира осталась за Раневской.

Раневская говорила:

– Вы должны меня понять. Я отказала гэбэ лишь по одной причине: дать много органам госбезопасности я не могу, а мало мне не позволяет совесть.

Великая русская актриса Александра Яблочкина пребывала в девицах до старости.

Как-то она спросила у Раневской, как, собственно, занимаются любовью. После подробного рассказа Раневской Яблочкина воскликнула:

– Боже! И это все без наркоза!!!

Одна актриса уезжает с мужем в загранкомандировку в Африку. Перед отъездом она разговаривает с Раневской:

– Фаина Георгиевна, я решила там заняться режиссурой. Хочу поставить пьесу «Миллион за улыбку» Софронова, которая идет у нас в театре.

– Да зачем вам эта гадость? Поставьте лучше «Отелло». Их там много.

У Раневской кончилось чистое постельное белье. К ней пришла знакомая и увидела странную картину: Фаина Георгиевна лежит на кровати, накрывшись вместо пододеяльника крахмальной скатертью. Заметив изумление подруги, Раневская рассмеялась:

– Это называется «Вставайте! Пора накрывать на стол».

Раневская решила продать свою шубу. Когда она открыла перед пришедшей покупательницей дверь шкафа, где висел «товар», оттуда вылетела здоровенная моль. Раневская проводила ее взглядом:

– Ну что, сволочь, нажралась?

В переполненном автобусе, развозившем артистов после спектакля, раздался неприличный звук. Раневская наклонилась к уху соседа и шепотом, но так, чтобы все слышали, выдала:

– Чувствуете, голубчик? У кого-то открылось второе дыхание!

Как-то в доме отдыха, где отдыхала Раневская, объявили конкурс на самый короткий рассказ. Тема – любовь, но есть четыре условия:

1) в рассказе должна быть упомянута королева;

2) упомянут Бог;

3) чтобы было немного секса;

4) присутствовала тайна.

Первую премию получил рассказ в одну фразу: «О боже! – воскликнула королева. – Я, кажется, беременна, и неизвестно от кого!»

Раневская постоянно опаздывала на репетиции. Завадскому это надоело, и он попросил актеров, что, когда Раневская еще раз опоздает, чтобы они ее не замечали.

Входит опоздавшая Раневская:

– Здравствуйте! Все молчат.

– Здравствуйте!

Никто не обращает на нее внимания.

– Здравствуйте!.. Тишина.

– Ах, никого нет? Тогда я пойду поссу.

Фаина Георгиевна вернулась домой бледная как смерть и рассказала, что ехала от театра на такси.

– Я сразу поняла, что он лихач. Как он лавировал между машинами, увиливал от грузовиков, проскакивал прямо перед носом у прохожих! Но по-настоящему я испугалась уже потом. Когда мы приехали, он достал лупу, чтобы посмотреть на счетчик!

Юноша с девушкой сидят на лавочке. Юноша очень стеснительный. Девушке хочется, чтобы он ее поцеловал, и она говорит:

– Ой, у меня щечка болит. Юноша целует ее в щечку:

– Ну как, теперь болит?

– Нет, не болит.

Через некоторое время:

– Ой, у меня шейка болит. Он ее чмок в шейку:

– Ну как, болит?

– Нет, не болит.

Рядом сидит Раневская и спрашивает:

– Молодой человек, вы от геморроя не лечите?!

Однажды Раневская поскользнулась на улице и упала. Навстречу ей шел какой-то незнакомый мужчина.

– Поднимите меня! – попросила Раневская. – Народные артистки на дороге не валяются…

– Очень сожалею, Фаина Георгиевна, что вы не были на премьере моей новой пьесы, – похвастался Виктор Розов. – Люди у касс устроили форменное побоище!

– И как? Удалось им получить деньги обратно?

Киногруппа, в составе которой находилась Фаина Раневская,

с утра выехала за город на натурные съемки. Предстояла большая работа, нужно было много успеть за день. У Раневской же, как назло, случилось расстройство желудка. По приезде на площадку она сразу направилась к выстроенному на краю поля дощатому сооружению. Аппаратура давно установлена, группа готова к съемкам, а артистки нет и нет. Режиссер нервничает, глядит на часы, оператор сучит ногами. Актриса не появляется. Орут, думая, что с ней что-то случилось. Она отзывается, кричит, что с ней все в порядке. Наконец после долгого ожидания дверь открывается и Раневская, подходя к группе, говорит:

– Братцы вы мои! Знали бы вы, сколько в человеке дерьма!

На улице в Одессе к Раневской обратилась прохожая:

– Простите, мне кажется, я вас где-то видела… Вы в кино не снимались?

– Нет, – отрезала Раневская, которой надоели уже эти бесконечные приставания. – Я всего лишь зубной врач.

– Простите, – оживилась ее случайная собеседница. – Вы зубной врач? А как ваше имя?

– Черт подери! – разозлилась Раневская, теперь уже обидевшись на то, что ее не узнали. – Да мое имя знает вся страна!

Артист Театра им. Моссовета Николай Афонин жил рядом с Раневской. У него был горбатый «запорожец», и иногда Афонин подвозил Фаину Георгиевну из театра домой. Как-то в его «запорожец» втиснулись сзади три человека, а впереди, рядом с Афониным, села Раневская. Подъезжая к своему дому, она спросила:

– Колечка, сколько стоит ваш автомобиль?

Афонин сказал:

– Две тысячи двести рублей, Фаина Георгиевна.

– Какое свинство со стороны правительства, – мрачно заключила Раневская, выбираясь из горбатого аппарата.

Однажды Раневская отправилась в магазин за папиросами, но попала туда в тот момент, когда магазин закрывался на обед. Уборщица, увидев стоящую у дверей Раневскую, бросила метелку и швабру и побежала отпирать дверь.

– А я вас конечно же узнала! – обрадованно говорила уборщица, впуская Раневскую. – Как же можно не впустить вас в магазин, мы ведь вас все очень любим. Поглядишь этак на вас, на ваши роли, и собственные неприятности забываются. Конечно, для богатых людей можно найти и более шикарных артисток, а вот для бедного класса вы как раз то, что надо!

Такая оценка ее творчества очень понравилась Раневской, и она часто вспоминала эту уборщицу и ее бесхитростные комплименты.

Раневская обедала в ресторане и осталась недовольна и кухней, и обслуживанием.

– Позовите директора, – сказала она, расплатившись.

А когда тот пришел, предложила ему обняться.

– Что такое? – смутился тот.

– Обнимите меня, – повторила Фаина Георгиевна.

– Но зачем?

– На прощание. Больше вы меня здесь не увидите.

Как-то раз Раневскую остановил в Доме актера один поэт, занимающий руководящий пост в Союзе писателей.

– Здравствуйте, Фаина Георгиевна!

Как ваши дела?

– Очень хорошо, что вы спросили. Хоть кому-то интересно, как я живу! Давайте отойдем в сторонку, и я вам с удовольствием обо всем расскажу.

– Нет-нет, извините, но я очень спешу. Мне, знаете ли, надо еще на заседание…

– Но вам же интересно, как я живу! Что же вы сразу убегаете,

вы послушайте. Тем более что я вас не задержу надолго, минут сорок, не больше.

Руководящий поэт начал спасаться бегством.

– Зачем же тогда спрашивать, как я живу?! – крикнула ему вслед Раневская.

Раневская рассказывала, как они с группой артистов театра поехали в подшефный колхоз и зашли в правление представиться и пообщаться с народом. Вошедший с ними председатель колхоза вдруг застеснялся шума, грязи и табачного дыма.

– Е… вашу мать! – заорал он, перекрывая другие голоса. – Во что вы превратили правление, е… вашу мать. У вас здесь знаете что… Бабы, выйдите! (Бабы вышли.) У вас здесь, если хотите, хаос!

Находясь уже в преклонном возрасте, Раневская тем не менее умела заставить людей подчиняться и выполнять ее требования. Однажды перед Московской Олимпиадой Раневская набрала номер директора театра и официальным тоном сообщила, что ей срочно нужна машина. Директор попробовал отказать, сославшись на то, что машина занята, но Раневская сурово перебила:

– Вы что же, не понимаете? Я должна объехать Москву и показать мальчику олимпийские объекты. Он хочет убедиться, что все в порядке…

Директор вынужден был отправить машину Раневской, хоть и не знал, какой такой еще мальчик желает проверить готовность объектов. А Мальчик – была кличка любимой собачки Фаины Георгиевны.

Однажды в театре Фаина Георгиевна ехала в лифте с артистом Геннадием Бортниковым, а лифт застрял… Ждать пришлось долго – только минут через сорок их освободили.

Молодому Бортникову Раневская сказала, выходя:

– Ну вот, Геночка, теперь вы обязаны на мне жениться! Иначе вы меня скомпрометируете!

Раневская познакомилась и подружилась с теткой режиссера Львовича, которая жила в Риге, но довольно часто приезжала в Москву. Тетку эту тоже звали Фаина, что невероятно умиляло Раневскую, которая считала свое имя достаточно редким.

– Мы с вами две Феньки, – любила при встрече повторять Раневская. – Это два чрезвычайно редких и экзотических имени.

Однажды сразу после выхода фильма

«Осторожно, бабушка!» Раневская позвонила в Ригу своей тезке и спросила, видела ли та фильм.

– Еще не видела, но сегодня же пойду и посмотрю!

– Так-так, – сказала Раневская. – Я, собственно, зачем звоню… Звоню, чтобы предупредить: ни в коем случае не ходите, не тратьте деньги на билет, фильм – редкое говно!

Раневская, как и очень многие женщины, абсолютно не разбиралась в физике и однажды вдруг заинтересовалась, почему железные корабли не тонут.

– Как же это так? – допытывалась она у одной своей знакомой, инженера по профессии. – Железо ведь тяжелее воды, отчего же тогда корабли из железа не тонут?

– Тут все очень просто, – ответила та. – Вы ведь учили физику в школе?

– Не помню.

– Ну хорошо, был в древности такой ученый по имени Архимед. Он открыл закон, по которому на тело, погруженное в воду, действует выталкивающая сила, равная весу вытесненной воды…

– Не понимаю, – развела руками Фаина Георгиевна.

– Ну вот, к примеру, вы садитесь в наполненную до краев ванну, что происходит? Вода вытесняется и льется на пол… Отчего она льется?

– Оттого, что у меня большая жопа! – догадалась Раневская, начиная постигать закон Архимеда.

В свое время именно Эйзенштейн дал застенчивой, заикающейся дебютантке, только появившейся на «Мосфильме», совет, который оказал значительное влияние на ее жизнь.

– Фаина, – сказал Эйзенштейн, – ты погибнешь, если не научишься требовать к себе внимания, заставлять людей подчиняться твоей воле. Ты погибнешь, и актриса из тебя не получится!

Вскоре Раневская продемонстрировала наставнику, что кое-чему научилась. Узнав, что ее не утвердили на роль в «Иване Грозном», она пришла в негодование и на чей-то вопрос о съемках этого фильма крикнула:

– Лучше я буду продавать кожу с жопы, чем сниматься у Эйзенштейна!

Автору «Броненосца «Потемкин» незамедлительно донесли, и он отбил из Алма-Аты телеграмму: «Как идет продажа?»

Раневская передавала рассказ Надежды Обуховой. Та получила письмо от ссыльного. Он писал: «Сейчас вбежал урка и крикнул: «Интеллигент, бежи скорей с барака. Надька жизни дает».

Это по радио передавали романсы в исполнении Обуховой.

notes

Примечания

1

Бирман Серафима Германовна (1890–1976) – советская актриса театра и кино, театральный режиссер и теоретик.